

туры, но и предусмотреть синхронное изучение современного состояния фольклорной традиции, не ограничиваться сбором материала в процессе опроса людей старшего поколения, но и вести непосредственные наблюдения над бытующими явлениями, чтобы представить в конечном счете реальную картину современного состояния живого фольклора. Наконец, наряду с исследованием собственно фольклорной традиции не менее существенное значение приобретает изучение процесса освоения фольклора современной массовой художественной самодеятельностью, т. е. весьма характерного для советской культуры вида фольклоризма. Во время полевой работы мы уделяли последнему не меньше внимания, чем сбору фольклорно-этнографического материала, и получили чрезвычайно интересные, подчас неожиданные сведения о соотношении песенного репертуара фольклорных ансамблей при сельских клубах с местной фольклорной традицией, о характере отбора и исполнения произведений, а также об обратном воздействии систематически проводящихся в регионе смотров художественной самодеятельности и специальных фольклорных фестивалей на состояние фольклорной традиции²¹.

²¹ См. Гусев В. Е. Взаимодействие фольклорных традиций в художественной самодеятельности.— Народна творчість та етнографія. Київ, 1982, № 4.

М. В. Крюков

КУЛЬТУРА ЕВРАЗИЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ВЫСТАВОЧНЫХ ЗАЛАХ ЯПОНИИ

13 ноября 1981 г. в художественной галерее Сэйбу в Токио открылась советская археолого-этнографическая выставка «Кочевые народы Евразии»¹. В первой половине 1982 г. она была показана в Нагоя, Асахикава, Сэндае, Окаяма, Осаке, Киото. В дальнейшем ее увидят еще в десяти городах Японии.

Идея создания этой выставки возникла несколько лет назад. Инициатива ее организации принадлежит Японской Ассоциации культурных связей с зарубежными странами, которая постоянно проводит большую работу по налаживанию и расширению научных и культурных контактов между Японией и Советским Союзом. Вклад Ассоциации в дело укрепления добрососедских отношений между нашими народами был высоко оценен: президент этой общественной организации д-р Мацумаэ был удостоен ордена Дружбы народов. Весьма плодотворной была за последние годы деятельность генерального секретаря Ассоциации К. Сугимори и других ее активистов. Важным аспектом многогранной деятельности Ассоциации является организация советских выставок в Японии. В частности, в 1979—1981 гг. там с большим успехом прошли палеонтологические выставки, подготовленные Академией наук СССР.

Предложение провести в различных городах Японии советскую археолого-этнографическую выставку учитывало значительный интерес, проявляемый в этой стране к развитию в СССР гуманитарных, и в частности исторических, наук. Так, в послевоенные годы повышенным спросом читателей неизменно пользуются переводы важнейших советских публикаций и исследований по археологии, этнографии и истории культуры. Среди многочисленных японских специалистов, знакомящих широкий круг японской общественности с новинками советской научной литературы, мне хочется отметить крупного знатока археологии и этно-

¹ Выставка Академии наук СССР «Кочевые народы Евразии». Каталог. Токио, 1981 (на яп. яз.).

Рис. 1. Церемония открытия выставки в г. Нагоя

графии Средней Азии проф. Ё. Каяма. Ему принадлежит, между прочим, самое значительное в Японии собрание работ по Средней Азии и Казахстану на русском языке. В 1979 г. был опубликован каталог этого ценного собрания, насчитывающий 3623 названия². Перу проф. Каяма принадлежит ряд исследований по древней истории этого региона³.

В этой связи нельзя не отметить также активную научную деятельность проф. К. Като, знатока русского языка и этнографии народов СССР (прежде всего Сибири и Средней Азии). Являясь одним из руководителей Японского национального этнографического музея в г. Осака⁴, проф. Като немало сил и времени отдает переводам на японский язык работ советских ученых. Его заслуги в популяризации достижений нашей науки исключительно велики; они получили высокую оценку в его собственной стране и за рубежом. Достаточно сказать, что за свою книгу о выдающемся советском востоковеде Н. А. Невском⁵ он был удостоен премии Д. Орасаги. По инициативе проф. Като в Японском национальном этнографическом музее была создана экспозиция по народам Средней Азии и организован обмен коллекциями с Институтом этнографии АН СССР. Профессор Като был приглашен Японской Ассоциацией культурных связей с зарубежными странами в качестве главного научного консультанта советской выставки в Японии, посвященной проблеме истории культуры кочевых народов Евразии.

С советской стороны организатором этой выставки стал Институт этнографии АН СССР. В апреле 1979 г. постановлением бюро Отделения исторических наук АН СССР был создан Оргкомитет по подготовке выставки, председателем которого был утвержден акад. Ю. В. Бромлей. Летом 1979 г. был разработан общий план выставки, определены ее цели и методы экспозиции.

В отличие от проводившихся ранее научных выставок, в подготовке которых принимала участие Академия наук СССР, данная экспозиция по замыслу ее создателей должна была не только освещать достижения советских ученых в той или иной области, но специфическими средства-

² Каяма Ёхэй. Каталог книг по истории Средней Азии из собрания Сосюто. Токио, 1979 (на яп. яз.).

³ Каяма Ёхэй. Сокровища пустынь и степей. Токио, 1970 (на яп. яз.); его же. Наследие кочевых народов. Токио, 1972 (на яп. яз.), и др.

⁴ Об этом научном центре см.: Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Японский национальный этнографический музей. — Сов. этнография, 1981, № 5.

⁵ Като Кюдзо. Небесная змея. Токио, 1976 (на яп. яз.).

ми наглядного показа решать определенную научную проблему. Центральная тема выставки должна была иметь актуальную научную значимость и в то же время быть близка широким массам будущих посетителей. Исходя из этих соображений, решено было посвятить выставку традиционной культуре кочевых народов Евразии.

Хотя Япония — островная страна, географически занимающая довольно изолированное положение на карте Восточной Азии, кочевые народы степного пояса Евразии сыграли определенную роль в этнической истории японцев. В особенности это относится к тому важному периоду развития японского общества, когда в первых веках нашей эры на территории Японии складываются первые государственные образования. Археологически этому времени соответствует так называемая «эпоха курганов», существенно изменившая многое в культуре населения Японских островов. Некоторые исследователи даже сформулировали в свое время гипотезу, согласно которой формирование государства в Японии было связано с завоеванием страны кочевниками, проникшими через Корею из евразийского степного коридора⁶. В настоящее время эта теория не встречает поддержки со стороны большинства специалистов, однако влияние кочевнической культуры на особенности быта японцев в начале I тыс. н. э. не подлежит сомнению. Это обстоятельство в немалой степени способствовало тому, что в сознании современного среднего японца, интересующегося историей своей страны, евразийские кочевники окружены неким ореолом таинственности, стимулирующим интерес к их прошлому и настоящему.

Что касается собственно научного содержания выставки, то ее тема дала возможность создания комплексной экспозиции, позволяющей на археологическом материале проследить историю формирования и развития кочевничества, а на этнографическом — охарактеризовать основные черты культуры степных кочевников и процесс трансформации ее в наши дни.

Несомненно, что подобная выставка могла быть подготовлена только в СССР, где в настоящее время накоплены ценнейшие коллекции и осуществлен ряд фундаментальных исследований по истории кочевничества.

Помимо сотрудников московской части Института этнографии АН СССР ведущая роль в подготовке выставки «Кочевые народы Евразии» принадлежала сотрудникам входящего в состав института Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде. Как известно, этот старейший в СССР этнографический музей был создан на основе Петербургской кунсткамеры (основана в 1714 г. Петром I). В МАЭ хранятся уникальные коллекции этнографических материалов, характеризующие самобытные культуры многих народов земного шара. Хотя в экспозиции МАЭ представлены только зарубежные народы, фонды музея располагают обширными собраниями экспонатов по народам СССР, в том числе по кочевникам и полукочевникам Южной Сибири и Средней Азии. Планомерный сбор материалов по этнографии этих народов был связан с деятельностью созданного в 1902 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Этнографические коллекции в Средней Азии и Казахстане собирали почти все крупнейшие востоковеды нашей страны — В. В. Радлов, который на рубеже прошлого и нынешнего столетий был директором музея, его ученики — С. Я. Малов, А. Н. Самойлович, И. И. Зарубин и многие другие. Благодаря усилиям нескольких поколений русских ученых этнографические собрания МАЭ по кочевым тюрко-монгольским народам стали одними из самых крупных в мире.

Кроме МАЭ в подготовке выставки принял участие Государственный музей этнографии народов СССР. Он был создан в 1934 г. на базе этнографического отдела Русского музея в Ленинграде. Коллекции ГМЭ характеризуют культуру и быт народов Советского Союза преимущественно

⁶ Эгами Намио. Кочевое государство: подход к изучению древней истории Японии. Токио, 1967 (на яп. яз.).

но конца XIX — начала XX в. В экспозиции и фондах ГМЭ широко представлены материалы по этнографии кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Сибири — казахов, киргизов, туркмен, калмыков, тувинцев, алтайцев и др.

В состав экспозиции выставки «Кочевые народы Евразии» вошли также многочисленные археологические и этнографические предметы, хранящиеся в других музеях и научно-исследовательских институтах Советского Союза. Ниже будут перечислены эти учреждения.

Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН КазССР, в частности Отдел археологии этого института, руководимый К. А. Акишевым. Сотрудники отдела в течение ряда лет занимаются комплексными исследованиями культуры как оседлой, так и кочевой части населения Казахстана на всем протяжении его истории. Созданный при институте Музей археологии сосредоточил наиболее важные находки ученых Казахстана, в том числе предметы из всемирно известного кургана Иссык (V в. до н. э.).

Институт археологии АН УССР, который ежегодно осуществляет широкомасштабные полевые исследования, особенно в местах охранных работ в зоне новостроек. В степных областях Украины сотрудники института ежегодно раскапывают до полутора тысяч древних погребений, значительная доля которых приходится на скифское время. В 1970-х годах были раскопаны такие «царские» курганы, как Гайманова могила, Бердянский курган, Толстая могила и др., материалы которых значительно расширили существовавшие ранее представления об особенностях материальной культуры и социального строя скифов Причерноморья. Наиболее ценные из этих находок хранятся в Киевском музее исторических драгоценностей.

Находящийся в Кызыле (географическом центре Азии) Тувинский Республиканский краеведческий музей — научно-исследовательский центр по изучению истории и культуры тувинского народа. В его фондах хранятся богатые и разнообразные коллекции предметов из древних и средневековых курганов, раскопанных на территории республики, а также значительные этнографические коллекции.

Институт истории, философии и филологии (ИИФФ) Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске — центр гуманитарных исследований в Сибири. Археологические раскопки, проводимые сотрудниками института, за последние 10—15 лет существенно расширили представления о роли населения Сибири и Дальнего Востока в истории Евразии. В Туве и на Алтае археологические экспедиции ИИФФ ежегодно ведут исследования культуры кочевников скифского и древнетюркского времени. Помимо монографических исследований ИИФФ издает серию работ под общим названием «История и культура Востока Азии».

Музей истории народов Узбекистана (МИНУ) в Ташкенте принадлежит Академии наук УзССР. Это центральный исторический музей Узбекистана. Экспозиции МИНУ охватывают все периоды истории населения Узбекистана, начиная с древнейших времен вплоть до сегодняшнего дня. Особую ценность среди археологических коллекций музея представляют результаты раскопок городищ и погребений кушанского времени, в том числе уникальные предметы из буддийского храма в Фаяз-Тепе, открытые Л. И. Альбаумом.

Экспонаты, отобранные в собраниях этих музеев и институтов (в общей сложности их было более 400), распределялись по основным разделам выставки; примерно половина из них посвящена истории кочевничества, а остальные характеризуют традиционную культуру кочевых народов в конце XIX — начале XX в.

Организаторы выставки отказались от заманчивой, но трудноосуществимой попытки показать всю историю степных nomadов Евразии, решив сосредоточить внимание на начальном этапе формирования кочевничества (VIII—IV вв. до н. э.).

Кочевая форма общественного производства возникла в начале I тысячелетия до н. э. В это время на территории евразийского пояса степей

Рис. 2. Скифы, шьющие одежду. Деталь золотой пекторали из Толстой могилы (хранится в Киевском музее исторических драгоценностей). IV в. до н. э.

и предгорий сложились во многом сходные археологические культуры, относящиеся к «скифскому миру». Исследования последнего десятилетия со всей убедительностью показали, что проблему происхождения этих культур нельзя решать на материале только скифских памятников Причерноморья. Раскопки кургана Аржан в Туве, датированного М. П. Грязновым VIII в. до н. э., позволили по-новому взглянуть на вопрос формирования специфических черт культур «скифского мира». Археологический материал скифского времени с территории Тувы⁷ и Алтая (раскопки А. Д. Грача и В. Д. Кубарева) составляет первый раздел выставки — «Древние кочевники Тувы и Алтая».

В VIII—IV вв. до н. э. степные пространства Средней Азии и Казахстана населяли племена, известные из письменных источников под названием «саки». К числу наиболее ранних памятников сакских племен относится могильник VII—V вв. до н. э. в Южном Тагискене, раскопанный Хорезмской экспедицией Института этнографии АН СССР под руководством С. П. Толстова и М. А. Итиной⁸. В погребениях были найдены наборы конской сбруи, в том числе удила с псалиями, подпружные пряжки, распределители ремней и пр. Оружие представлено наконечниками стрел, мечами в ножнах и ножами. Особое внимание привлекают великолепные золотые бляшки и накладки, выполненные в типичном скифском «зверином стиле». Эти предметы вошли в состав второго раздела экспозиции — «Саки Приаралья».

Наглядное представление о культуре сакских племен V—IV вв. до н. э. дали раскопки курганов на территории Южного Казахстана, обогатившие науку высокохудожественными произведениями изобразительного искусства и уникальными памятниками деревянной архитектуры. В 1969—1970 гг. были осуществлены раскопки кургана Иссык, расположенного в окрестностях Алма-Аты. Одно из двух захоронений в этом кургане оказалось нетронутое: здесь был погребен молодой воин в обшитом золотыми накладками кафтане и головном уборе с многочисленными пластинами, выполненными в виде фигур животных. Воссоздание казахстанскими археологами во главе с К. А. Акишевым головного убора, одежды и обуви этого «Золотого человека» — одно из значительных достижений в области скифо-сакской археологии. Макет костюма

⁷ Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980, с. 1—255.

⁸ Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена). — Сов. археология, 1966, № 2, с. 151—175.

Рис. 3. Голова бодхисатвы из буддийского храма в Фаяз-Тепе. I—II вв. Раскопки Л. И. Альбаума

из кургана Иссык стал центральным экспонатом третьего раздела выставки — «Саки Южного Казахстана». Особое место среди находок в этом погребении занимает серебряная чаша с нерасшифрованной надписью. Сам по себе факт существования надписей на предметах сакской культуры V—IV вв. до н. э. говорит о высоком уровне ее развития⁹.

В различных музеях Советского Союза хранится весьма значительное число археологических предметов из скифских курганов IV—III вв. до н. э. На данной выставке решено было экспонировать лишь самые последние находки, сделанные украинскими археологами. Это, прежде всего, скифское золото — предметы вооружения и украшения из «царских» курганов Причерноморья. Одна из подлинных жемчужин в разделе «Скифы» — пектораль (нагрудное украшение) из Толстой могилы, раскопанной Б. М. Мозолевым. Этот редчайший об-

разец древнего ювелирного искусства создан руками греческого мастера, но отражает образы и представления, распространенные в скифской среде (рис. 2). На выставке экспонируются и другие предметы из Толстой могилы — меч в золотых ножнах, гривна, бронзовые наконечники, котел и пр.¹⁰ В этом же разделе представлены и более поздние — сарматские вещи с той же территории (в частности, находки из кургана близ Ковалевки, датируемые I в. н. э.).

Учитывая особый интерес к истории буддизма, проявляемый в Японии, решено было включить в экспозицию специальный раздел, посвященный буддийским памятникам кушанского времени из Южного Узбекистана. Известно, что Кушанская держава, в создании которой принимали активное участие различные кочевые племена, стала в первых веках нашей эры одним из центров распространения буддийской религии. Наглядное представление об этом дают раскопки Фаяз-Тепе, где были обнаружены редкие образцы буддийской скульптуры (рис. 3). Раздел «Кушаны» в этом смысле тематически непосредственно примыкает ко второй части экспозиции, позволяющей посетителю составить представление о традиционной культуре кочевников Евразии конца XIX — начала XX в.: эта вторая половина выставки начинается с разделов, воссоздающих специфику религиозных верований степных nomads.

Здесь представлены экспонаты, характеризующие, с одной стороны, распространение у кочевников Сибири и Средней Азии шаманского культа, с другой — особенности центральноазиатского направления буддизма, собственного преимущественно кочевым народам этого региона, — ламаизма. Предметы, демонстрируемые в этом разделе, предоставлены на выставку Музеем антропологии и этнографии. Среди них манекен шамана в полном облачении, шаманские атрибуты, а также ламаистские иконы, тантрийские скульптурные изображения, культовые предметы (рис. 4).

Основой хозяйства кочевников степей, полупустынь и горностепных районов Евразии уже в древности стало экстенсивное пастбищное

⁹ Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978, с. 60.

¹⁰ Мозолевский Б. М. Товста могила. Київ, 1979.

скотоводство с более или менее регулярными перекочевками. Среди различных видов домашних животных наиболее важную роль в жизни кочевников всегда играли лошади. Обитатели пояса степей очень ценили конскую упряжь, старались украшать ее нашивными пластинами из драгоценных металлов, бляхами из кости и других материалов. Седло и уздечка — это своеобразные произведения прикладного искусства, в которых отражались эстетические представления кочевников. В то же время конская упряжь дает наглядное представление о связях номадов с их соседями, в том числе с народами оседлых цивилизаций.

Рис. 4. Головной убор ламы. Буряты, конец XIX в. МАЭ

Внимание посетителей раздела «Конская упряжь» привлекает выставленный на манекене коня полный набор верховой сбруи, изготовленный бухарскими мастерами и подаренный в 1910 г. эмиром Бухары императору Николаю II. В экспозиции представлены также различные типы седел, распространенные в конце XIX в. в кочевнической среде, и другие компоненты сбруи.

Традиционная одежда кочевников Южной Сибири и Средней Азии, несмотря на наличие этнических и локальных особенностей, имела общую основу, определявшуюся спецификой хозяйственно-культурного уклада их жизни. Наибольшие различия проявлялись в женских головных уборах. Многие из них представляют большую художественную ценность. Так, в частности, представленные на выставке казахские женские свадебные головные уборы «саукеле» украшены серебряными позументами и подвесками, драгоценными камнями, кораллами. Интересно, что по своей форме «саукеле» напоминают головные уборы сакско-скифских племен, в частности нарядную шапку «Золотого человека» из кургана Иссык. Помимо этого в разделе «Одежда и украшения» представлены традиционные ювелирные изделия — браслеты, перстни, ожерелья, нагрудные и налобные украшения и пр.

Кочевники-скотоводы издавна широко использовали для своих нужд кожу домашних животных. Из нее шили одежду, обувь, конскую упряжь, колчаны, различную утварь и украшения. Уже в древности ранние кочевники научились взамен хрупких керамических сосудов изготавливать из кожи легкие, прочные и удобные фляги. Всаднику было очень удобно возить с собой кумыс в твердых кожаных сосудах с деревянной пробкой, подобных бытовавшим у тувинцев, алтайцев, казахов, калмыков (рис. 5). Большую роль в быту кочевников всегда играли мужские кожаные пояса, которые носили поверх халата. Их, как правило, украшали дорогами серебряными накладками со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней. В этом отношении уникален экспонируемый в разделе «Изделия из кожи» казахский кожаный пояс, изготовленный в первой половине XVIII в. (об этом свидетельствует арабская надпись на прикрепленных к поясу ножнах; рис. 6). Этот пояс неоднократно менял владельцев и в середине XIX в. принадлежал брату известного казахского султана Кенесары Касимова.

На протяжении двух с половиной тысяч лет неперменной принадлежностью быта кочевников была деревянная утварь. По мере развития кочевого образа жизни деревянная посуда (наряду с кожаной) полностью вытеснила керамику, хотя некоторые типы сосудов, изготовлявшихся из дерева, по своей форме по-прежнему копировали глиняные. Так, в орнаментации и форме якутских чоронов можно проследить древние традиции котловидных сосудов, известных у ранних кочевников, начиная со скифского времени. Широкое распространение у тувинцев, алтайцев,

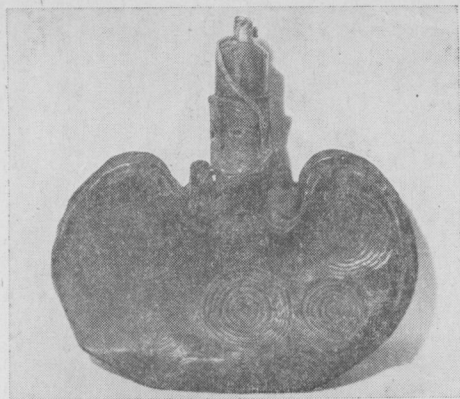

Рис. 5. Кожаный сосуд. Алтайцы, начало XX в. МАЭ

якутов имели берестяные сосуды для пищи и напитков, несколько интересных образцов которых представлены в разделе «Изделия из дерева и бересты».

Уже в древности кочевники изготавливали ковры и кошмы. Древнейшие в мире ковровые и войлочные изделия найдены в погребениях скифского времени на Алтае (Пазырык). Ковры и кошмы выделялись из овечьей, козьей и верблюжьей шерсти, причем предпочтение отдавалось верблюжьей как особенно прочной. Традиция ворсового ткачества получила наибольшее развитие у туркмен и киргизов. Большую

художественную ценность представляют войлочные ковры казахов — сырмаки, изготовлявшиеся так называемой мозаичной техникой. Из орнаментированного войлока казахи и киргизы производят также и другие изделия, украшающие интерьер их жилища; в разделе «Ковры и кошмы» экспонированы, наряду с ворсовыми и войлочными коврами, сумки, мешки, покрывала для коня и другие предметы из коллекций Музея антропологии и этнографии и Государственного музея этнографии народов СССР.

Экспонаты выставки иллюстрируют некоторые общие особенности развития культуры степных кочевников-скотоводов. Одна из них проявляется в поразительном единообразии основных предметов быта на огромных пространствах Евразии. Эта черта, отчетливо прослеживающаяся уже в культурах «скифского мира», в той или иной степени сохранялась и в последующие эпохи. Определялась она исключительной подвижностью кочевого населения, способного быстро распространять достижения культуры на значительные расстояния.

Наряду с этим кочевники обнаруживают гораздо большую, чем у земледельцев, устойчивость отдельных форм культуры. Сформировавшись зачастую еще в I тысячелетии до н. э., некоторые из них просуществовали почти без изменений вплоть до нашего времени. К ним относятся, в частности, орудия труда (аркан, служивший для поимки животного в стаде), утварь (кожаные фляги, изделия из войлока), состав и покрой одежды, излюбленные пищевые продукты, многие образы изобразительного искусства и эпического творчества. Одна из главных причин тому — застойность хозяйства, основанного на экстенсивном скотоводстве.

История свидетельствует о том, что кочевники-степняки никогда не находились в изоляции от своих оседлых соседей. Испытывая на себе культурное влияние земледельческих народов, номады, в свою очередь, воздействовали на население оседлых цивилизаций.

Проблемам общего и особенного в историческом развитии кочевников Евразии были посвящены доклады, зачитанные на научном симпозиуме, который был приурочен к открытию выставки и проведен в Токио 13—14 ноября 1981 г. В его работе приняли участие многие ведущие советские и японские специалисты по истории культуры кочевых народов. Представленные доклады и материалы их обсуждения японские коллеги планируют издать в виде отдельной книги.

Проходившая во многих городах Японии выставка неизменно пользовалась успехом у японских посетителей. Работа выставки широко освещалась в японской прессе, в передачах по телевидению, в многочисленных красочных рекламках. Пока еще трудно подводить окончательные итоги, но уже можно сказать, что за первые полгода работы выставки на ней побывало более 200 тыс. посетителей. Учитывая большой ин-

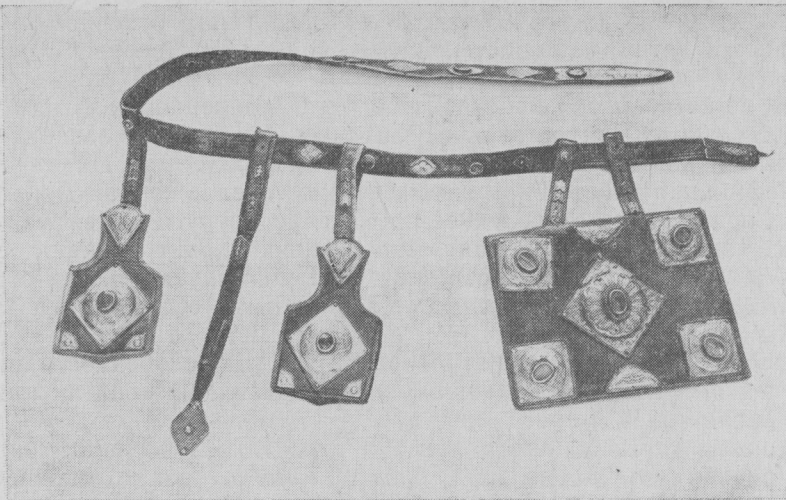

Рис. 6. Мужской пояс. Кожа, металл, сердолик. Казахи, XVIII в. МАЭ

интерес японской общественности к материалам, представленным на выставке, советские ученые давали консультации, отвечали на многочисленные вопросы, проводили экскурсии, читали лекции, выступали со статьями на страницах японских газет. Таким образом, советская археолого-этнографическая выставка, подготовка которой потребовала от ее организаторов немало времени и творческой энергии, предоставила советским ученым прекрасную трибуну для пропаганды достижений нашей науки. Нет сомнения и в том, что в современной сложной международной обстановке проведение в Японии советской археолого-этнографической выставки имеет большое общественное и политическое значение, способствуя взаимопониманию между народами наших двух стран.

В. Н. Шинкарев

САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ ОБЩИН У НАГА

Как известно, одной из задач этнографической науки является теоретическое исследование механизма перерождения власти потестарной во власть политическую¹. Анализ сакрального характера власти — важный аспект разработки этой темы. С этой точки зрения представляется полезным обширный материал, накопленный в ходе изучения горных народов Северо-Восточной Индии и Бирмы.

Задачей настоящей статьи является исследование соотношения светских и сакральных функций должностных лиц нага в результате сложившегося разделения труда между военным и ритуальным предводителями.

Нага — общее название ряда родственных этнических групп, населяющих горные районы Северо-Восточной Индии и сопредельные области Бирмы. В штате Нагаленд (Нага—Прадеш) проживает три четверти всех индийских нага — более 500 тыс. чел. (по оценке на 1973 г.)². В Тирапском р-не союзной территории Аруначал-Прадеш обитает 40 тыс. нага, а в штате Манипур — 125 тыс.³ Численность бирманских нага ко-

¹ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.

² Hindustan Year-book and Who's Who (1973). Calcutta, 1973, pt II, p. 39.

³ Ibid.